

старажылаў, чые прафесійныя інтарэсы звычайна ляжаць за межамі гуманітарнай навукі. Часта гэты адзіны даступны шлях да гістарычных звестак аб населеным пункце, асабліва невялікім.”Вопыт паказвае, – лічаць даследчыкі, – што такім чынам можна сабраць вельмі цікавы матэрыял” [3, 15].

Заклучэнне. Абавязак спецыялістаў-анамастаў і краязнаўцаў – садзейнічаць папулярызацыі анамастычна-краязнаўчых ведаў праз стварэнне анамастычнай энцыклапедыі пэўнай мясцовасці, якая дапаможа асвятліць розныя бакі жыцця беларускіх вёсак, захаваць крупінкі знікаючых на нашых вачах сведчанніў мінуўшчыны беларускага народа, атрымаць рэальнае ўяўленне пра змест рэгіянальных фонавых ведаў, што спадарожнічаюць тэрытарыяльна прымацаваным анамастычным адзінкам, і месцы гэтых ведаў у структуры моўнай асобы. У той жа час, выкарыстаўшы думку В.Э. Сталтмане, без перабольшвання можна сказаць, што “лексікаграфічная інвентарызацыя ўласных імён розных разрадаў з’яўляецца асновай далейшага развіцця анамастыкі ўвогуле” [4,3].

ЛІТАРАТУРА

1. Максимчук, Н.А. О региональных фоновых знаниях в структуре языковой личности и способах их выявления / Н.А. Максимчук // Материалы международного семинара “Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние” (Смоленск, 18 ноября 2010 г.). – Смоленск: СмолГУ, 2010. – С. 7-11.
2. Мезенка, Г.М. Гарадскі і сельскі гаданімікон: падабенства і адрозненні / Г.М. Мезенка // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: Материалы междунар.науч.-метод.конф. В 2 ч. Ч.1. – Брэст, 2006. – С. 18-24.
3. Панцялейка, А. Наш край – Браслаўшчына: Дапаможнік па раздзелу “Наш край” праграмы па гісторыі Беларусі для настаўнікаў сярэдніх школ / А. Панцялейка, К. Шыдлоўскі. – Браслаў, 1993. – 108 с.
4. Сталтмане, В.Э. Ономастическая лексикография / В.Э. Сталтмане / Институт языкознания; Отв.ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1989. – 116 с.

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В СОЗДАНИИ СИНЕРГЕТИЧНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Е.Ю. Муратова
Витебск, ВГУ

Описание грамматики дает возможность установить систему соответствий между формально-грамматическим и содержательным уровнем поэтического произведения. М. Хайдеггер писал: «Язык обладает той особенностью, что мы в нем живем, ему доверены, обычно не направляя при этом на него свое внимание, и, таким образом, не замечаем его в его самости» [1. 42]). Выход из этого положения М. Хайдеггер находит в поэзии. В частности, грамматические категории в поэтическом тексте стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира.

Нам кажется очень верной мысль Михаила Эпштейна о тех моментах мышления, которые меньше всего контролируются самим мышлением, предзаданы ему, образуя негласную, неслышимую систему правил: “Лексика говорит с нами шумно и внятно, тогда как грамматика таит про себя заветные мысли... Грамма-

тика – это не то, **что** мы думаем, а **чем** мы думаем, когда говорим, или даже то, **что думает нами**; это бессознательное нашего мышления» [2. 1].

Грамматика поэтического языка – это автономная синергетическая «база» самоорганизации трансцендентных смыслов поэтического текста.

Докажем это на примере **категории одушевленности / неодушевленности** существительных. Но прежде назовем основные термины синергетики применительно к лингвопоэтике : 1) *диссипация* – возникновение нового смысла за счет когерентного взаимодействия языковых единиц; 2) *аттрактор* – направление поиска смысла и приписывание выражению определенного смыслового содержания; аттрактор выявляется в переходе от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания; 3) *бифуркация* – возможности системы реализовывать разные смыслы у одной и той же совокупности языковых единиц, т.е. линейно упорядоченной цепочке слов могут быть приписаны разные смыслы; 4) *фракталь* – группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта.

Грамматически одушевленность / неодушевленность в русском языке выражается совпадением форм винительного и родительного падежей множественного числа у всех одушевленных. Но данная оппозиция тесно связана с полом живых существ, с биологическими оппозициями. А.В. Бондарко справедливо пишет о том, «что признак, связанный с формой винительного падежа, является не чем-то исходным, первичным, что определяет одушевленность или неодушевленность существительных, а, напротив, представляет собой следствие, результат принадлежности того или иного существительного либо к разряду одушевленных, либо к разряду неодушевленных, а эта принадлежность определяется прежде всего по смыслу (в некоторых случаях по традиции, зафиксированной в языковой норме, ср. винит. падеж *мертвеца*, но *труп*). В тех случаях, когда наблюдаются колебания в отнесенности того или иного существительного к одушевленным, либо к неодушевленным... колебания связаны со специфической семантикой этих существительных. И уже в зависимости от того, как они трактуются языковой нормой и ее реализацией – как одушевленные, либо как неодушевленные, они получают соответствующую форму винительного падежа» [3.188].

Можно предположить, что тесная связь категории одушевленности / неодушевленности с лексическим значением слова создает условия для ее художественного использования, «обыгрывания» в поэтических текстах. С одной стороны, и в художественной прозе, и в поэзии любой предмет, любое явление может фигурировать как живое существо, выражаемое в таком случае одушевленным существительным (хотя в системе языка оно остается неодушевленным). Но с другой стороны, проявление глубинной лексико-грамматической сущности категории одушевленности / неодушевленности, реализация ее синергетических возможностей фиксируется в исследованных нами поэтических текстах единично. Поэтому особенно интересно, когда эта категория становится сюжето- и смыслообразующей в поэтическом тексте, как, например, в стихотворении А. Левина «Мы грибоеды» [4. 114–116]. В нем речь идет о людях- грибоедах, которые имеют особые отношения с грибами. Грибоеды могут *съесть гриб-маховик, скушать валуй, испытывать груздь, вырубать коротковолнушки, выслеживать шампиньонов, съесть белый гриб-буровик, послушать рассказы мудрейших о кознях грибов сатанинских*. Названия грибов в данном стихотворении выступают то как одушевленные существительные, то как неодушевленные, при этом идет и обыгрывание их названий: *маховик* вместо *моховик*, *буровик* вместо *боровик*. Проанализируем одну строфу этого стихотворения:

Мы учим своих грибоедов / подкрадываться к лисичкам, / выслеживать шампиньонов / и всяких хитрых строчков. / Мы учим своих грибоедиков / так съесть белый гриб-буровик, / чтоб зубы остались целы / и чтоб он не успел забуриться. Выявляется 7 маркеров синергетичности: 3 окказиональных существительных *грибоед, грибоедик, гриб-буровик* (в русском языке есть существительное *грибоед* в значении *жук, живущий в грибах*, но не в значении *любитель грибов*), три нестандартные синтагматические связи – *подкрадываться к лисичкам, выслеживать шампиньонов, хитрые строчки*; употребление лексем *шампиньон* и *строчок* как одушевленных существительных. Каждый маркер вносит свою «лепту» в диссипацию глубинных смыслов, но в данном случае нас интересует проявление категории одушевленности / неодушевленности. Строки *выслеживать шампиньонов / и всяких хитрых строчков* являются зоной бифуркации, в которой возникает диссипативный процесс за счет противоречия между нормативной неодушевленностью и контекстуальной одушевленностью существительных. «Одушевление» шампиньонов и строчков усиливается также за счет лексического значения глагола *выслеживать*, предшествующей строки *подкрадываться к лисичкам*, звукового подобия лексем *шампиньон* и *шпион*. В итоге возникает картина не собирания грибов, а охоты за живыми существами. Это может быть игра в шпионов, поскольку *учат грибоедиков*, может быть охота на зверей, которой взрослые грибоеды также учат своих детей. В любом случае лес для грибоедов, с одной стороны, это природная «кладовая», в которой собирают грибы и едят (*съесть белый гриб-буровик*), но грибы особые: не *боровик*, а *буровик*, не *моховик*, а *маховик*; с другой стороны – лес наполнен живыми существами со своими характеристиками (*хитрые строчки, белый гриб, который может забуриться*), с ними играют, на них охотятся. Изменение категории неодушевленности в сторону одушевленности и обратно изменяет направление аттрактора из фрактала «еда» во фракталь «живой мир» и наоборот. В результате чего возникает образ сложного, почти сказочного мира, в котором живут грибоеды, и они воспринимают такой мир абсолютно естественно, как дети. В данных строках аттрактор может быть направлен также во фракталь «народные поверия», в которых обнаруживается особое отношение к грибам, которые в народных представлениях занимали промежуточное положение между растениями и животными и даже наделялись демоническими свойствами. В любом случае грамматический сдвиг оппозиции одушевленность / неодушевленность при назывании грибов явился причиной возникновения диссипативного процесса порождения новых, не лежащих на «поверхности» смыслов стихотворения.

Таким образом, для поэтических текстов характерна реализация синергетического потенциала основных категорий существительного, в частности, выявляется смыслообразующая роль категории одушевленности / неодушевленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер, М. Гельдерлин и сущность поэзии: пять ключевых слов / М. Хайдеггер // Логос. – 1991. – № 1. – С. 37–47.
2. Дар слова. Выпуск 17. [Электронный ресурс] – Режим доступа: mhtml:file://C:\Users\Admin\Documents\наука\www_russ_ru Михаил Эпштейн. – Дата доступа: 30.07.2010.
3. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко. – Москва, 2005. – 260 с.
4. Левин, А. Песни неба и земли: избранные стихотворения 1983 – 2006 годов / А. Левин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 275 с.